

Василий Потто

Том 1

От древнейших времен до Ермолова

Том 2

Ермоловское время

Том 3

Персидская война 1826—1828 гг.

Том 4

Турецкая война 1828—1829 гг.

Том 5

Время Паскевича, или Бунт Чечни

Василий Потто

КАВКАЗСКАЯ
ВОЙНА

Том 5

ВРЕМЯ ПАСКЕВИЧА,
ИЛИ БУНТ ЧЕЧНИ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

ББК 63.3
П64

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
И.А. Озерова*

Потто В.А.
П64 Кавказская война: В 5 томах. Т. 5: Время Паскевича, или
Бунт Чечни. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 351 с.
ISBN 978-5-521-73328-6 (Т. 5)
ISBN 978-5-9524-3151-5

Фундаментальный труд выдающегося военного историка, генерала русской армии В.А. Потто охватывает период Кавказской войны с начала XVI века по 1831 год.

Многие годы в разных местах автор собирал разрозненные документы и материалы с одной целью — извлечь из забвения драматические и героические события, которые, развиваясь и усиливаясь, определили совершенно особую роль Кавказской войны в нашей истории.

5-й том включает описания событий периода 1826–1831 годов.

ББК 63.3

ISBN 978-5-521-73328-6 (Т. 5)
ISBN 978-5-9524-3151-5

© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2007

I

ВЗГЛЯДЫ ПАСКЕВИЧА НА ПОКОРЕНИЕ КАВКАЗА

В то время, когда турецкая война близилась к своей развязке, Паскевича уже занимала мысль об окончательном покорении Кавказа. Он видел ясно, что отдельные экспедиции, предпринимаемые для наказания горцев, так же мало приносили пользы, как меры безусловной кротости, и потому изыскивал средства, чтобы раз и навсегда покончить с этим роковым вопросом. Время для этого казалось самым удобным. Многочисленные трофеи, провозимые то и дело через Кавказскую линию в Петербург, воочию свидетельствовали горцам о знаменитых победах, одержанных русскими в Персии и Турции, и слава этих побед, казалось, должна была бы удостоверить их в невозможности борьбы с такой могущественной державой, как Россия. Паскевич не хотел допустить даже мысли о серьезном сопротивлении «каких-нибудь горцев», и на этом, главным образом, основал план своих будущих действий.

Нужно сказать, что это было время всевозможных проектов. Военное министерство было засыпано трактатами, в которых было много любопытных, а еще более странных идей, показывавших только усердие, но никак не знакомство с Кавказом всех этих составителей планов. Предлагалось, например, действовать против горцев, подвигаясь не с равнины к горам, а, напротив, с гор к плоскостям, строить крепости на хребтах, а наблюдательные посты на горных шпилях, рвать самые горы порохом, а против хищников растягивать проволочные сети по берегам Кубани и Терека. Советовали покорять горцев не оружием, а культурой во всем ее широком объеме, то есть просвещением, торговлей, водворением среди народа роскоши и даже пьянства. Были предложения учредить в Анапе лицей или ка-

детский корпус, в котором воспитывались бы черкесские юноши вместе с детьми черноморских казаков, полагая, что общность воспитания родит дружеские связи, которые не замедлят отразиться в будущем и на дружеском согласии обоих народов. В подкрепление этой мысли приводился даже обычай аталычества¹, преподавался совет, чтобы в этом заведении русский священник, поставленный рядом с муллою, из-под руки внушал бы мусульманским детям понятия о превосходстве христианской веры и тому подобное. Некоторые шли еще дальше и предлагали прежде всего озаботиться смягчением нравов посредством заведения у горцев музыкальных школ. «В глубокой древности уже было известно, — писал один коллежский советник, — что музыка, производя приятное впечатление на слух, смягчает человеческие нравы». Министерство даже не давало себе труда разбирать эти проекты и массами отправляло их в Тифлис «на рассмотрение». Там их читали и, после короткого отрицательного ответа, сдавали в архив, где они покоятся и поныне.

В противоположность этим культурным планам, проект Паскевича основывался исключительно на силе оружия, как на аргументе единственно доступном пониманию горца. Он хотел воспользоваться пребыванием на Кавказе двух лишних дивизий и произвести разом одновременное движение против всех горских племен, чтобы лишить их взаимной помощи. Этим маневром Паскевич рассчитывал быстро и без особого труда завладеть всеми важнейшими пунктами в горах, прочно утвердиться в предгорьях и, таким образом, отняв у неприятеля все средства получать пропитание с равнин и плоскостей, вынудить его к покорности. В сущности, это был тот же самый план, которого держался Ермолов в течение десятилетнего управления краем. Но то, чего достигал Ермолов упорным трудом, подвигаясь лишь шаг за шагом, Паскевичу казалось легко осуществить одним стремительным натиском. Нет никакого сомнения, что план этот возник у него под влиянием трех блистательно исполненных кампаний. Действительно, поля побежденной Персии, низринутые в прах твердыни Азиатской Турции — вот те вечные памятники, благодаря которым время командования Паскевича, по справедливости, должно быть отнесено к одной из особенно интересных и блестящих эпох русского владыче-

¹ А т а л ы ч е с т в о — обычай отдавать детей на воспитание в другую семью.

ства на Кавказе. Но собственно, внутренним кавказским делам отводилось им до сих пор самое незначительное место. Быстро сменявшиеся события персидской и турецкой войн, обуславливая собой громадность и сложность занятий Паскевича в делах внешней политики, не давали ему ни времени, ни свободы заняться серьезным изучением Кавказа. Он был знаком с ним лишь по донесениям частных начальников, не всегда основательным, и даже мимоходом не видел Кавказской войны, которая потому и рисовалась в его воображении совсем не похожей на то, чем она была в действительности. Этим только и возможно объяснить себе тот резкий, полный самонадеянности тон, с которым он писал государю.

«Чем более делаю я наблюдений, тем более удостоверяюсь, что направление политики и отношений наших к горцам были ошибочны и не имели ни общего плана, ни постоянных правил. Жестокость, в частности, умножала ненависть и возбуждала мщение, а недостаток твердости и нерешительность в общем — обнаруживали слабость и недостаток сил. Опыт четырехлетнего моего управления оправдал мою политику, которая состояла единственно в том, что в частности я был снисходителен, но в общем угрожал твердостью и решимостью. От этого при всей малости войск наших, занятых войной против персиян и турок, горцы удержаны в покое и, исключая частные набеги, ничего важного не предпринимали...»

Паскевич, очевидно, приписывал своей политике то, что являлось лишь естественным результатом всей деятельности Ермолова. Но этого мало, он хотел идти дальше Ермолова, хотел покорить Кавказ одним ударом, и не только не покорил его, но отодвинул покорение на тридцать лет и создал войну, стоившую нам, в конце концов, множества жертв, крови, материальных потерь, нравственных потрясений...

Надо заметить, что в это самое время ходила по рукам мемуария генерала Вельяминова, которая, конечно, не могла быть неизвестной и Паскевичу. Вельяминов, друг и сподвижник Ермолова, также изыскивал средства ускорить окончание тяжелой Кавказской войны, но средства, предлагаемые им, значительно различались от мыслей Паскевича. По мнению Вельяминова, опыты прошедших лет не позволяли сомневаться, что главный вред, какой терпела от горцев Кавказская линия, происходил всегда от их конных набегов; поэтому, если поставить горцев в такое положение, чтобы они с большим трудом доставали лошадей, годных для хищнических наездов, то этим отнимется у них одно

из важнейших средств делать нападения. Достигнуть же этого, по мнению Вельяминова, можно было, только заняв казачьими станицами все места, изобилующие пастбищами, как, например, между Кубанью и Лабой, между Лабой и Урупом, по правую сторону Малки, по берегам Сунжи и Ассы. Увеличение числа кавказских линейных казаков, способствуя решительному покорению горцев и обеспечивая Кавказскую область, могло, сверх того, принести и громадную пользу в будущих европейских войнах. Таким образом, перенося наши линии за Кубань и на Сунжу, постепенно вытесняя горцев с плоскостей, истребляя у сопротивляющихся посевы и жилища, Вельяминов приходил к убеждению, что при настоящих средствах Кавказского корпуса, то есть при двух лишних дивизиях, война может быть окончена в течение шести лет и будет стоить, сверх обычных сумм, отпускаемых на продовольствие войск, четырнадцать миллионов рублей ассигнациями.

Насколько этот план был основателен и применим практически, доказали позднейшие события, когда, после многолетней бесплодной борьбы, пришлось обратиться к тому же проекту и дать средств гораздо более, чем требовал Вельяминов. Но тогда глядели на дело еще иными глазами. На предложение Вельяминова государь отозвался, что требуемые средства чрезмерно обременят казну и что армию нельзя ослаблять и отвлекать от западной границы. Проект Паскевича, бравшегося покончить дело в одно наступавшее лето, был утвержден. Государь даже торопил его исполнение, так как по окончании экспедиции обе дивизии — четырнадцатая и двадцатая — должны были немедленно возвратиться в Россию. «Его Величество, — писал по этому поводу военный министр, — совершенно уверен, что полный успех увенчает ваше предприятие, столь необходимое для прочного обеспечения нашей оседлости на Северном Кавказе».

Теперь оставалось разработать только детали.

Государь предполагал начать военные действия со стороны Каспийского моря, где горы имеют наименьший поперечник, и для этого употребить войска собственно Кавказского корпуса в их полном составе; двадцатая же дивизия должна была сосредоточиться в виде резерва в окрестностях Тифлиса, а четырнадцатая — на Северном Кавказе, в кубанских и терских станицах, на случай, если бы горцы, теснимые с противоположной стороны, бросились на линию.

Государь, впрочем, не стеснял Паскевича действовать по обстоятельствам и предоставил ему широкие полномочия. Паске-

вич выработал программу несколько иную. Он полагал основательно, что прежде, чем приступить к общему покорению горских народов, необходимо было обеспечить Закавказье и покорить джарских лезгин, без чего никогда не установилось бы спокойствие на границах Кахетии; затем требовалось привести от нас в такую же зависимость Осетию, стать твердой ногой в Абхазии и только тогда уже пройти по всем направлениям Чечню и земли закубанских народов. Дагестан не особенно занимал главнокомандующего. Паскевич более, нежели следует, полагался на преданность к нам шамхала Тарковского, акушинского кадия и ханов Мехтулы и Казикумыка, которые, по его мнению, достаточно обеспечивали спокойствие Приморского края и плоскости, а что касается Нагорного Дагестана, где главенство принадлежало сильной Аварии, то ханы ее только что добровольно присягнули тогда на подданство России и своим примером, казалось, не могли не повлиять на соседние с ними вольные общества. Правда, лезгины, спускавшиеся с гор, продолжали делать набеги в Кахетию, но Паскевич думал, что покорение джарцев вынудит и их к безусловной покорности. В противном случае предполагалось сделать к ним экспедицию, и если бы они оказали упорство, выселить их на плоскость. К началу мая войска, занимавшие Дагестан, должны были занять Аварию и оттуда, смотря по обстоятельствам, или идти на лезгин, соседних с Кахетией, или спуститься в Чечню, для содействия главным силам.

Таким образом, Дагестан был почти совсем устранен из общего плана и соприкасался с ним лишь косвенно, а между тем дальнейшие события показали, что именно Дагестан-то, которому так мало уделялось внимания, и был причиной, расстроившей все соображения и планы фельдмаршала. Там, в глухой койсубулинской деревушке Гимры, никем не замечаемые, готовились события, которые грозили страшным потрясением нашему владычеству на Кавказе и не замедлили оказать решительное влияние на общий ход дела. То был мюридизм, кинувший горцев в страшный водоворот борьбы кровавой и религиозной. Правда, облик нового учения был еще туманен, но при должном внимании и тогда уже можно было различить в нем глухие отголоски приближающейся бури. Наружное спокойствие Дагестана обмануло Паскевича, в гуле победных громов он не слышал, как шумела река, разливавшаяся кипучим потоком, и как затопляла она все, чему было посвящено столько лет разумной деятельности и трудовой жизни Ермолова.

В феврале 1830 года Паскевич открывает военные действия, и первая экспедиция на землю джаро-белоканских лезгин оканчивается быстрым и бескровным покорением этих обществ; но в то же время из Дагестана приходят такие тревожные слухи, которые заставляют наконец внимательно взглянуть в тамошние события и увидеть в них нечто посерьезнее обыкновенного мусульманского бунта. То было вторжение мюридинов в Аварию. Бой под Хунзахом и поражение Кази-муллы аварцами умалили несколько впечатление грозного движения, начавшегося в горах, но, однако, не рассеяли нависших над горизонтом туч. В это время Паскевич писал военному министру, что «несомненная цель нового учения заключается в том, чтобы отторгнуть от нас все дагестанские племена и соединить их под одно общее феократическое правление...».

В Петербурге вправе были ожидать самых энергичных мер со стороны Паскевича там, где, по его же мнению, дело касалось безусловно нашего владычества над Восточным Кавказом, и государь полагал справедливо, что всем этим смутам и неурядицам будет положен скорый конец. На этом основании он потребовал, чтобы военные действия, начатые покорением джаро-белоканцев, отнюдь не отлагались и чтобы все предначертания одновременного поиска в горах были окончены в течение лета.

Теперь главнокомандующий поставлен был в необходимость обстоятельно уже разъяснить те затруднения, которые, под влиянием текущих событий, принуждали его во многом отступить от первоначального плана. Он писал, что к военным действиям нельзя приступить ранее осени, так как войска из Турции могли прибыть только в августе; но что касается времени, в которое возможно окончить задуманный план, то Паскевич не брался определить его даже приблизительно — все зависело от обстоятельств, которых ни предвидеть, ни предугадать было невозможно. Он сам подал мысль и создал план покорения Кавказа; но теперь, соображая известную воинственность горцев и ближе ознакомившись с местностью, фельдмаршал не мог не сознавать всю трудность подобного предприятия. Да и время было уже не то, что в 1829 году, когда возник этот план. Тогда Дагестан находился в состоянии полнейшего спокойствия, теперь появился Кази-мулла с его религиозной пропагандой, и волнение, охватившее не только нагорные племена, но даже плоскостных кумыков, перебросилось в Чечню и угрожало заняться всеобщим пожаром.